

<http://www.diva-portal.org>

Postprint

This is the accepted version of a paper published in *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*.

Citation for the original published paper (version of record):

Yurchuk, Y. (2016)

Proshloe pod pritselom amnesii: pamiat ob OUN i UPA v Volynskom regione na primere pamiatnika Klymu Savuru.

Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, 14(2): 87-101

Access to the published version may require subscription.

N.B. When citing this work, cite the original published paper.

Permanent link to this version:

<http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:sh:diva-32966>

Юлия Юрчук

Прошлое под прицелом амнезии: память об ОУН и УПА в Волынском регионе на примере памятника Климу Савуру*

В этой статье я подхожу к вопросу памяти об Организации Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армии (ОУН и УПА соответственно) в региональной перспективе. На примере одного конкретного случая построения памятника одному из командиров УПА – Климу Савуру – прослеживается, как героическая память об ОУН и УПА устанавливалась в Ровенской области. Эта область входит в один исторический регион – Волынь. Именно здесь сформировались первые группы УПА в 1942 году, а также именно на Волыни произошли самые трагические события в истории УПА – убийства польского населения в 1943 году, которые потом перенесли на Галичину. Я не рассматриваю историю самого украинско-польского конфликта (заинтересованный читатель может обратиться к цитированной ниже литературе), а то, как история ОУН и УПА входила в культуру памяти региона, начиная с 1991 года.

Памятник Климу Савуру – пример того, как место и форма памяти могут быть основаны больше на амнезии, чем на воспоминании. Как мы увидим, через процесс мифологизации его биографии почти все исторические факты о личности командира УПА исчезли. Единственная характеристика, на которой основывается коммеморация – это архетип, который выражает ценности и интересы деятелей, которые занимались строительством памятника и продвижением героической формы памяти об ОУН и УПА. Такая мифологизация позволила проводить политику памяти через призывы к исторической справедливости, забывая при этом о тех несправедливостях, которые произошли под командованием этой исторической личности.

Кто такой Клим Савур?

Прежде чем начать дискуссию о том, как помнят ОУН и УПА на примере одного конкретного случая, несколько слов о том, кем же был Клим Савур. «Клим

---

* Часть статьи ранее публиковалась на английском языке в моей диссертации *Reordering the Meaningful Worlds: Memory of the Organization of Ukrainian Nationalists and Ukrainian Insurgent Army in Post-Soviet Ukraine* (Stockholm, 2014).

Савур» – это псевдоним Дмитрия Клячківського, командира Украинской Повстанческой Армии. Он родился в 1911 г. в городе Збараж, сейчас Тернопольская обл. Украины. Польский историк Гжегож Мотыка писал о нем, что он типичный представитель поколения, которое поддержало Степана Бандеру и ОУН¹. В период Второй Польской Республики он был вовлечен в националистическое подполье. Во время Советской оккупации (1939-1941) Савур был лидером националистической молодежной организации в Станиславском воеводстве. В 1941 г. его арестовали советские власти и приговорили к смертной казни. Позже приговор изменили, Савур был приговорен к десяти годам лишения свободы. В июле 1941 г. он сбежал. В этом же году его повысили в рангах ОУН(б). В 1943 году он стал командиром УПА-Север на Волыни. 12 февраля 1945 он погиб в результате схватки с НКВД в селе Суськ недалеко от города Ровно.

Гжегож Мотыка, ссылаясь на архивные документы, указывает, что Клим Савур несет ответственность за трагическую участь польского населения на Волыни в 1943 году². Именно он был тем командиром УПА, который давал указания солдатам, которые принимали участия в убийствах поляков³. Весной и летом группы ОУН(б) на Волыни, которые находились под командованием Савура, убили примерно 30 000 поляков⁴. Однако в дискуссиях о памяти про эти страшные события на Волыни в 1943 году не упоминают, их либо игнорируют, или даже отрицают. Это больше всего очевидно на примере дискуссий о памятнике Савуру, который был построен в Ровно в 2002 году.

Начало формирования памяти в постсоветской Украине

Коммеморации, связанные с Климом Савуром в Украине, начались с приходом украинской независимости. 16 февраля 1992, через три месяца после референдума о независимости, первая коммеморация прошла в с. Суськ, где погиб Савур. Она была приурочена к дате его смерти (12 февраля). Церемония включала литургию в церкви, выступления локальных активистов (политиков, депутатов сельсоветов, Ровенского горсовета, участников патриотических организаций) и закончилась воздвижением деревянного креста. Церемонию инициировали реги-

---

¹ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła*. Kraków, 2011. P. 88.

² Ibid. P. 127. Также: Motyka G., Libionka D. *Antypolska Akcja OUN-UPA 1943–1944: fakty i interpretacje*. Warszawa, 2002; Motyka G. *Cień Kłyma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci*. Gdańsk, 2013. Ільющин І. *Українська Повстанська Армія та Армія Крайова: протистояння на Західній Україні (1939-45 pp)*. К., 2009. С. 243.

³ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła*. Kraków, 2011.

⁴ Марплз Д. *Степан Бандера: герой України // Страсті за Бандерою / Упор. Т. Амар, І. Білінський, Я. Грицак*. Київ, 2010. P.129-139, 134.

ональный комитет национально-демократической партии «Рух», ветераны УПА, молодежь из скаутской организации «Пласт»⁵.

Первый же памятник Савуру был открыт в июле 1995 году в г. Збараж, где он родился. Следует заметить, что прошло около десяти лет, прежде чем памятники ОУН и УПА начали появляться в больших городах. До этого все памятники и коммеморации проходили в большей степени в маленьких городах и селах, которые непосредственно связаны с деятельностью УПА. Но уже в начале 2000-х памятники начали появляться и в больших городах. Так, памятник Климу Савуру в Ровно был построен в 2002, а Степану Бандере во Львове в 2007 г.

На первый взгляд, открытие памятника Савуру в Ровно, в регионе, который стал эпицентром убийства поляков, может показаться странным, особенно если принять во внимание время открытия – 2002 год. Как раз в это время Украина и Польша готовились официально отмечать трагические события 60-летней давности. Очевидно, что дискуссии о памятнике Савуру в регионе велись параллельно с международными дискуссиями о Волынской трагедии.

Следует помнить, что продвижение героической памяти ОУН и УПА в форме «славного прошлого» вызывает вопросы не только в украинско-польских отношениях, но и в Украине. Это поднимает вопрос о том, как же все-таки удалось протолкнуть идею с памятником в Ровно. Что сделало это открытие возможным? Как такое темное прошлое можно помнить как славное прошлое? Какие механизмы и стратегии разрешили амнезию и стирание памяти? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратить внимание на первую в Украине церемонию, связанную с памятью о Савуре. Это воздвижения креста в память о Климе Савуре в 1992 году в с. Суськ, о котором упоминалось раньше.

Патриотизм как оправдание и литургия как форма памяти

В местной прессе людей, которые пришли на церемонию в с. Суськ, называли «украинские патриоты». Крест освятили священники Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). Части ново сформированной украинской армии также были на открытии места памяти и отметили событие торжественным залпом. Митинг открыл глава Ровенского Комитета Народного Руху Украины Владимир Омельчук: «Дорогое сообщество! Мы пришли сегодня на то место, где зимой 1945 года в неравном бою вместе с двумя своими побратимами пал *отданный сын своего народа, непобедимый боец за независимость и свободу Украины*, командир УПА-Север Дмитро Клячківський [т.е. Савур]. Мы пришли сюда с чувством глубочайшей скорби за те *нескончаемые жертвы, которые положил украинский народ на алтарь за свою свободу в битве с угнетателями*. Мы при-

---

⁵ «Пласт» был организован 1911. Многие лидеры ОУН и УПА, в том числе Бандера и Шухевич, были членами «Пласта» в юности.

шли сюда с чувством большого уважения к этим рыцарям, чувствуя большую благодарность за их *жертву, за то, что они не преклонились перед угнетателями и заплатили своими жизнями за идею Независимости и Соборности Украины*»⁶.

Таким образом не только визуальная часть поминовения была пропитана религиозными символами. Речь напоминает литургию, которую произносят с церковных кафедр. Такие особенности сопровождают много коммемораций ОУН и УПА. Это помогает создать героический коммеморативный нарратив, в котором утрачиваются трудные аспекты прошлого. Помнят только утрату, причем помнят ее в четко религиозной форме, так как религия дает тот инструментарий, к которому приходят в моменты горя. Кроме того, индивидуальная утрата приравнивается к утрате, которую понес весь народ. Оплакивается жертва за народ.

Такая литургическая форма коммеморации усложняет способы выражения несогласия, так как личность того, кого помнят, представляется не только как герой, но также как жертва и мученик, либо даже святой на церемонии памяти. Как считает Вердери: «Если о погибшем можно сказать как о Христе, который страдал за веру, народ, дело, тогда его тело приобретает статус святого и дает основу для эмпатичной идентификации»⁷. Более того, способ коммеморации создает атмосферу, где человека приглашают принять участие в ритуалах, которые предполагают полную поддержку и исключают сомнения или дискуссии. Присутствие священников на всех открытиях подобных памятников для ОУН и УПА связывает эти коммеморации не только с христианством, но и с идеей освобождения. В основном, на таких церемониях присутствуют священники либо Украинской Православной Автокефальной Церкви, которая была запрещена в СССР, либо священники Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата, которая была сформирована только в независимой Украине. Таким образом, для церквей поддержка памяти, которая была запрещена в СССР, становится полем деятельности и установления своей символической значимости (ввиду того, что такие коммеморации привлекают много людей).

Уже на примере церемонии в 1992 году можно увидеть, что стало основой для продвижения памяти об ОУН и УПА в независимой Украине. В первую очередь это чувство патриотизма и создание некоего сообщества памяти – людей, которых объединяет набор конкретных ценностей – свобода и независимость Украины. Вера в эти ценности делает представленных как тех, кто положили свои жизни за свободу и независимость, героями, мучениками или даже святыми⁸.

Как проходило установление героического нарратива и формирования славной памяти ОУН и УПА после 1991 года? Примером может послужить дискуссия,

---

⁶ Цитировано в: Омельчук В. Волинь. 24 февраля 1992. С. 2. Курсив мой.

⁷ Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. N.Y., 1999. P. 114.

⁸ О мартирологии и агиографии как формах памяти ОУН и УПА см.: Yurchuk. *Reordering the Meaningful Worlds*.

которая привела к открытию памятника Савуру в Ровно и которая иллюстрирует, как конкретный вид памяти формируется на уровне большого города и региона – в этом случае Ровно как областного центра.

ДОЛГ ПОМНИТЬ

В дискуссиях о памятнике Савуру не упоминаются Волыньские события 1943 года. Эта часть истории полностью упускается теми, кто выступал за строительство памятника в Ровно. Основным аргументом в дискуссиях был долг помнить воина, который боролся за независимость, память о котором была запрещена в советские времена, которого нельзя было ни похоронить, ни оплакать. Вот пример того, как о Савуре говорилось на выступлении в Городском Совете: «[Клим Савур] славный воин, который боролся за свободу страны, которую мы сейчас с вами пытаемся строить – независимую, демократическую Украину. К тому же мы предлагаем поставить памятник на месте, где согласно историческим данным покоятся его кости. [...] Увековечивание таких людей сыграет только позитивную роль для нашего общества памяти. [Дань памяти должна проходить] в атмосфере уважения, а также в атмосфере ответственности перед собственной страной, страной, в которой мы живем, страной, которую мы все вместе строим»⁹.

Таким образом, борьба УПА напрямую связывается с независимостью Украины сейчас. Смерть и жертвенность прошлых поколений накладывают ответственность на сегодняшнее поколение за увековечивание мертвых через память. К тому же, выступавшие в Городском Совете упоминают тот факт, что люди должны отметить место, где покоится тело погибшего¹⁰. Так как Савур представляется как тот, кто положил свою жизнь за страну, другие факты его жизни остаются несказанными¹¹. Они попросту упускаются.

Героический нарратив работает в диапазоне «черное или белое», и не допускает других оттенков. Депутат Василий Червоний в своих аргументах зашел еще дальше и потребовал от последующего поколения установить справедливость по отношению к предыдущим поколениям¹². Неготовность или нежелание принять такую точку зрения означало бы для депутата исключение из рядов народа: «Вся территория около бывшей тюрьмы НКВД набита десятками тысяч украинцев... Поэтому памятник Климу Савуру – это памятник целой эпохе украинцев, которые из-за оккупации украинской земли взяли оружие в руки. Поэтому те, кто

⁹ Вовк. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання. 2 листопада 2001. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. См. также: Рішення Рівненської Міської Ради № 539 від 2 листопада 2001.

¹² Василий Червоний начал свою политическую деятельность в конце 1980-х в рядах народно-демократического РУХа, в 2003-2005 году активно поддерживал Ющенко, был депутатом Верховной Рады.

не питают к ним уважения, *просто не могут называться украинцами*. [...] Давайте отдадим дань памяти людям, которые с оружием в руках боролись за независимость и приблизили ее к нам. [...] именно мы [те, кто построили памятник] *войдем в историю как те, кто посвятил себя восстановлению исторической справедливости*»¹³.

Как мы видим, в дискурсе о памяти УПА главные темы – это самопожертвование и жертвенность целого украинского народа. Национальная независимость представляется как высшая ценность, которая оправдывает все. Приверженность героическому нарративу УПА часто приравнивается к «настоящей украинскости». Как выразился депутат Червоний: *«Неуважение памяти УПА просто означает не быть украинцем. Наша история такая как есть, мы должны гордиться ею»*¹⁴.

Такой взгляд на историю показывает, что история связывается с определенным видом идентичности. При этом нет места для других проектов и других проявлений национальной идентичности. Период, в котором жил Савур, представляется как «целая эпоха украинцев» и история УПА проектируется на историю всего украинского народа. Таким образом глорификация УПА становится маркером национальной идентичности. В своих дискуссиях, играя на противопоставлении «нас» против «них», общественные деятели, которые обсуждали память, проводили линию между своими и чужими, как будто бы война все еще продолжалась и надо было принять только одну сторону. Вместо того, чтобы смотреть на прошлое как на «чужую страну»¹⁵, с дистанции, слушатели вовлекаются в настоящее. Они должны делать выбор, за кого они в настоящем. В таком случае прошлое не воспринимается как что-то прошедшее. Оно представляется как что-то, что происходит сейчас. Такая заикленность именно на прошлом может быть рассмотрена как «избранная травма»¹⁶, которая реактивирует историю националистического прошлого у настоящих поколений и вписывает ее в культурную память таким образом, что настоящее поколение втягивается в события семидесятилетней давности.

Психолог Вамик Волкан пишет, что передача «избранной травмы» связана с невозможностью предыдущих поколений оплакать утраты людей, и указывает на невозможность большой группы пережить обиды и унижения, нанесенные другой большой группой в прошлом¹⁷. В украинском случае идет такой процесс передачи избранной травмы, сформировавшейся от «обид и унижения», которые чувствовали по отношению к себе украинцы из-за того, что у них не было государственной независимости и не было права помянуть те жертвы, о которых ста-

¹³ Червоний В. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання, 2 листопада 2001. С. 4. Курсив мой.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lowenthal D. *The Past Is a Foreign Country*. Cambridge, 1985.

¹⁶ Volkan V. *Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity // Group Analysis*. 2001. Vol. 34. P. 79-97.

¹⁷ *Ibid.* P. 87.

ло возможным говорить только после 1991 года. Эта передача «избранной травмы» затрудняет построение связного нарратива истории, где украинцы были бы не только жертвами, но и деятелями – в том числе и преступниками. «Избранная травма» основана исключительно на унижениях, нанесенных группой, которую представляют только как «угнетателей». В этой картине мира «угнетенный» не может быть преступником и преследовать «угнетателя».

Из дискуссий о памятнике Савуру (а также о памяти об ОУН и УПА в целом), видно, что политика памяти находится под влиянием чувства экзистенциальной незащищенности. Оно прослеживается в аргументах деятелей памяти, которые выражают беспокойство по поводу будущего нации, особенно когда оно воспринимается как то, что находится под угрозой со стороны других наций, которые ранее правили Украиной. Экзистенциальная неуверенность явно выражает опасение того, что Украина может быть превращена в будущем в колонию. В результате, все повествование структурировано в качестве защитного механизма против предполагаемых угроз.

В контраргументах против героизации Савура также присутствовало утверждение о необходимости установления исторической справедливости – но в обратном направлении. Справедливость должна быть восстановлена в пользу тех групп населения, которые стали жертвами УПА: «если мы должны установить историческую справедливость, скажите, мало ли есть людей, убитых национал-патриотами? Этот факт следует также признать, и только тогда мы можем говорить об исторической справедливости»¹⁸. Однако, таких голосов было очень мало. В результате дискуссий, большинство депутатов проголосовало за строительство памятника и приняли соответствующее решение¹⁹.

Когда 14 октября 2002, на празднование 60-ой годовщины УПА, памятник был торжественно открыт, церемонию представляли в прессе как шаг к восстановлению справедливости и установлению исторической правды. Ведущая городская газета писала: «правда ... не потерялась в потоке времени, она нашла последующие поколения вопреки цензуре и запретам»²⁰. Таким образом, возможность рассказать «свою правду», которая была запрещена в СССР, представлялась как победа над несправедливостью и вынужденным молчанием.

---

¹⁸ Машкова. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання, 2 листопада 2001. С. 4.

¹⁹ Рішення Рівненської Міської Ради № 539 від 2 листопада 2001.

²⁰ Сніжко Т. Із повагою до минулого // Вісті Рівненщини. 16 жовтня 2002. С. 2.

Памятник Климу Савуру. Ровно. Построен в 2002 году. Скульптор В. Шолудько, архитекторы Т. Мельник и В. Ковальчук. Фото: Юлия Юрчук, октябрь 2011.

Внешний вид имеет значение

Задуман как символ антисоветского образа войны, памятник Савуру своим внешним видом имитирует советскую традицию. Вид памятника напоминает хорошо известные формы советских памятников и барельефов, посвященных Второй мировой войны, где воспевается солдатское мужество и храбрость, как, например, и в известных барельефах возле статуи Родины-Мать в Киеве. Хотя памятник Климу Савуру посвящен одному человеку, он не только воплощает героизм одного человека, он также символизирует коллективные усилия многих других воинов, которые боролись за ту же идею, которая воплощается в памятнике.

Фрагмент памятника Климу Савуру в Ровно. Фото: Юрчук.

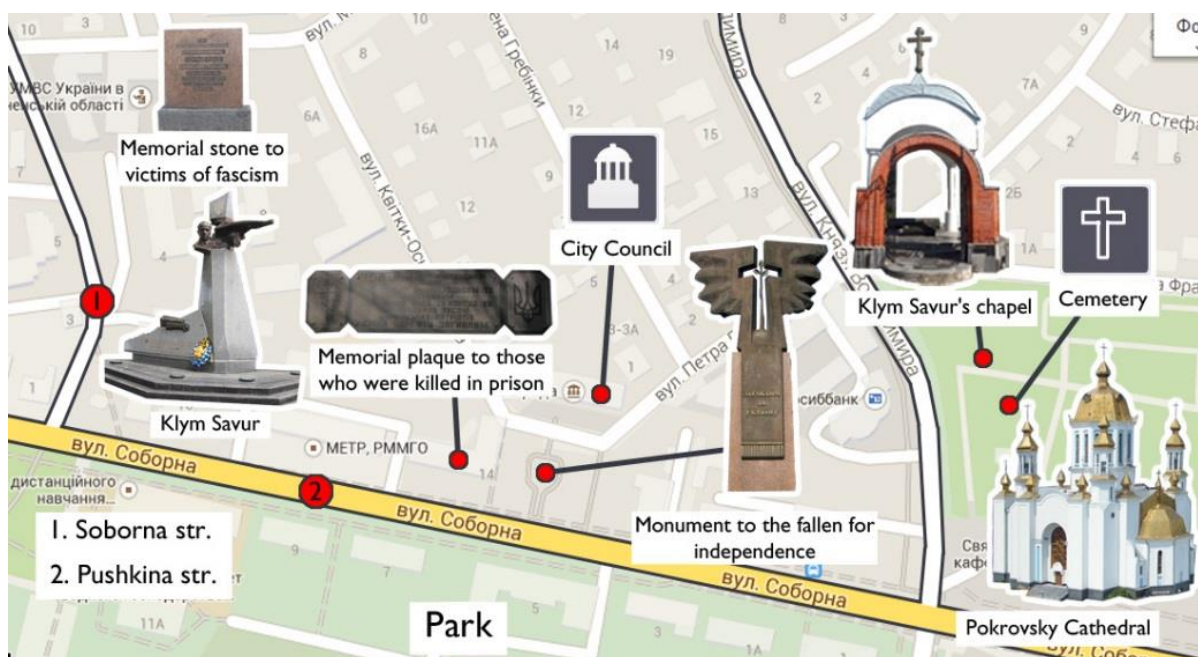
Главной особенностью памятника, которая отличает его от подобных советских, являются отсылки к христианской традиции – крест возле имени на камне и надпись: «Построен в память 60-ой годовщины Украинской Повстанческой Армии и командира Клим Савура (Дмитрия Клячківського) и тысячи украинских патриотов, которые покоятся на этом месте. Слава Украине! Героям слава! 14 октября 2002 года Божьего».

Венки, которые лежат у пьедестала, напоминают те, которые традиционно возлагают на могилы так как Савур-Клячківський погиб на этом месте, в тюрьме, после того, как был ранен в бою с НКВД недалеко от Ровно. Тесная связь между смертью и невозможностью захоронения придает особые нюансы значению этого памятника. Наиболее осязаемое противостояние советской традиции, однако, происходит за счет новых ритуальных практик. В то время как 9 мая остается днем празднования победы в советском стиле, появляются новые дни и ритуалы, связанные с военной памятью, но не связанные с советской традицией. На 9 мая празднования проходят вблизи памятников, построенных в советское время. В Ровно такое место находится на Дубенском кладбище у могилы неизвестному солдату и у памятника советскому разведчику Николаю Кузнецову. Памятник Савуру привлекает общественность в дни, установленные новым национальным календарем – День независимости (24 августа) и День основания УПА (14 октября). Таким образом, новый памятник становится центром притяжения для

общественности в конкретные дни, которые ассоциируются с независимостью и новыми антисоветскими формами памяти.

Топографическая матрица памятника Климу Савуру

Рассуждая о связи между зрителями, памятником и пространством, Джеймс Янг заметил: «Памятник становится точкой отчета среди других элементов пейзажа, одним местом между другими местами в топографической матрице, которая ориентирует того, кто помнит. Он создает значение и для местности, и в наших воспоминаниях. Так же как нарратив, который сразу же выстраивает элементы в линейную последовательность, памятник приводит события в некий когнитивный порядок... Он все еще воспринимается внутри географии, по отношению к другим элементам местности»²¹.

*Памятник Савуру по отношению к другим памятникам и местам в городе.
Коллаж: Дарья Анфалова.*

Итак, какова топографическая матрица в случае памятника Савуру? С точки зрения его расположения, памятник находится в хорошо выбранном месте. Практически невозможно посетить город и не увидеть этот памятник, так как он находится на одной из центральных улиц – Соборная, – в переулке, который обращен на главное здание крупнейшего университета в городе, возле которого находится большой парк. Он расположен на той же оси улицы, что и памятник Тарасу Шев-

²¹ Young J. *The Texture of Memory. Holocaust Memorials and Meaning*. New Haven, L., 1993. P. 7.

ченко, который является несомненным украинским героем. Само расположение превращает памятник Савуру в мощный символ, особенно во время демонстраций, где люди собираются у памятника Савуру, а затем маршируют по улице к памятнику Шевченко. Это символически подчеркивает продолжительность старых и новых мест памяти.

За памятником Климу Савуру расположена монументальная плита в память «жертв фашизма». Надпись гласит: «Здесь во времена фашистской оккупации гитлеровцы замучили до смерти пятьсот советских граждан. Вечная память тем, кто отдал свои жизни за счастье будущих поколений». На здании, которое служило тюрьмой во время войны, есть другая мемориальная доска: «тысячам украинских патриотов, которые были заключены здесь и которых тут пытали во время нацистской оккупации».

Ни на плите, ни на доске не упоминается о еврейских жертвах, которые также связаны с этой тюрьмой. По всей вероятности, именно о них упоминается на плите «пятьсот советских граждан». Но даже отсутствие упоминаний говорит о многом. Наверное, упоминание других жертв рассматривается как риск уменьшить собственные национальные утраты и жертвы.

Как видно на коллаже, недалеко от памятника находятся Городской Совет и самый большой в городе собор – Святопокровский Собор Божьей Матери. В 2001 году возле собора на территории кладбища была освящена небольшая часовня в память о «Климе Савуре и героях национально-освободительной борьбы 1918-1950». Таким образом, топографическая матрица превращает пространство памяти Савура и других «героев национально-освободительной борьбы» в священное пространство, которое предполагает не только помнить жертвы нацизма, но и поклоняться перед ними как перед мучениками или святыми. Во время войны территория кладбища примыкала к главной тюрьме города, где были убиты тысячи евреев и политических заключенных. Таким образом, место кладбища связано не только с гибелью одного человека, но и с гибелью других жертв. Тем не менее, памятник построен только один. Гибель же других упоминается на мемориальной доске и памятной плите без указания каких-либо имен. Все жертвы сведены к единой категории, которую предполагает новый коммеморативный нарратив – «герои национально-освободительной борьбы 1918-1950».

Таким образом, места памяти, появившиеся после падения СССР, как-бы «переворачивают процесс, (ре)сакрализируя тех, кого не замечали до этого»²². Они «сигнализируют изменения во вселенной значений, которые преобладали до этого»²³. В этом смысле новые памятники становятся маркерами измененных смыслов, они отмечают новые начинания, изменения и трансфигурации, которые возникают при попытках написать новую историю. Действительно, строительство памятника в 2002 году обозначило границы между старыми и новыми режимами

---

²² Verdery. *The Political Lives of Dead Bodies*. P. 6.

²³ *Ibid.*

смыслов. В таком символическом виде памятник ознаменовал конец трансформации в регионе, который был запущен в 1990-е годы, когда обсуждение памятника в Ровно только началось.

Памятник Савуру слишком нов, чтобы говорить об изменении его значения с течением времени. Но то, что можно проследить в течение почти пятнадцати лет истории памятника, это его использование и институционализацию в календаре и церемониях. С момента своего освящения памятник стал местом встречи для националистических и национально-демократических партий и катализатором для мобилизации людей на митингах. Так, когда проходили митинги в поддержку Виктора Ющенко в ходе его президентской компании в 2003 и 2004 гг., люди собирались именно у памятника Савуру и шли к памятнику Шевченко.

Параллели никогда не встречаются? Память о польских жертвах

Памятник Савуру не был открыт в изоляции. Важное событие произошло в памяти региона через год после того, как был открыт памятник Савуру. 6 ноября 2003 года жена тогдашнего польского президента Иоланта Квасьневская посетила этот регион. Она приехала посетить одну конкретную памятную церемонию – открытие памятника в деревне Борщивка, примерно в 30 километрах от Ровно.

Согласно сообщениям о событии в местной прессе, в 1942/43 г. в этой деревне были советские партизаны. В конце 1942 года партизаны разрушили Антопольский спиртзавод, что привело к массовым карательным акциям жителей деревни немцами. Вся деревня Борщивка была сожжена дотла 3 марта 1943 г. Большинство погибших были поляками. Среди жертв были родственники жены польского президента²⁴. На церемонии открытия памятника этим жертвам присутствовали высокопоставленные политики с украинской и польской сторон. Также планировалось участие президентов Польши и Украины, но они отменили свои визиты. Памятник был освящен римско-католическим епископом из Луцка²⁵.

Следует отметить, что первый памятник в память о погибших жителях деревни Борщивка был построен ещё в 1978 году по инициативе местных жителей. К 2000-м он был в довольно плохом состоянии. Польское правительство заинтересовалось в восстановлении этого места. Польские представители начали с восстановления старых могил на польском кладбище. Новый памятник был произведен в Польше. Главной особенностью мемориала является большой крест с надписью на польском и украинском языках, которая гласит: «В память о почти 250 польских жителей Борщивки, жестоко замученных фашистами. 3 марта 1943

---

²⁴ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

²⁵ Шиманський О. Знову Волинь // Україна Молода. 8 листопада 2003.

года было сожжено село. Покойтесь с миром. От бывших жителей села, их семей и Правительства Республики Польша 2003».

Польские историки нашли имена всех убитых. На памятнике восстановлены имена и поляков, и украинцев – почти 250 поляков и 16 украинцев. Но основная надпись не упоминает украинцев. Это был польский проект по сохранению памяти польского народа. Опять мы видим, как «национальное» измерение берет верх в общественных представлениях о прошлом и как оно включает в себя умолчания и пропуски. Примечательно, что советское обозначение нацистской Германии как «фашистской» сохраняется и на этом памятнике: и на польском и на украинском языках.

На церемонии открытия некоторые пожилые жители поделились своими воспоминаниями о тех временах, когда поляки и украинцы жили бок о бок. Они подчеркнули добровольный характер послевоенного переселения поляков на территории Польши: «многие поляки предпочли жить в Польше», как сказал один из присутствующих²⁶. Ни слова не было упомянуто о польско-украинском конфликте. «Украинцы и поляки жили друг с другом мирно на протяжении десятилетий, без упрека за их национальность», повторяли присутствующие²⁷. Тем не менее, Анджей Пшевожник, историк из польского Совета по защите памяти битв и мученичества (Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa), намекнул на довольно сложные отношения между поляками и украинцами в прошлом, и даже в настоящее время: «Несколько дней назад свечи памяти сверкали над могилами во всей Польше. Но на многих кладбищах свечей не было. Потому что далеко за пределами польской земли есть могилы наших людей, которые до сих пор ждут, что их навещат, особенно здесь, на Волини, где история была особенно жестоко по отношению к людям. Почти каждый участок земли здесь пропитан кровью невинных жертв тоталитаризма и национализма»²⁸.

В то время как польский историк выразил свое беспокойство из-за отсутствия сотрудничества, украинский спикер, глава Ровенской областной администрации Николай Сорока, подчеркнул важность такого сотрудничества: «Мы благодарны польской стороне за их финансирование памятника. Также была произведена хорошая работа наших дорожных строителей. Такое взаимное сотрудничество является гарантией братства наших народов»²⁹.

Иоланта Квасьневская подчеркнула необходимость помнить о потерях в прошлом для того, чтобы иметь возможность продолжать жить как добрые соседи: «Мой отец родился здесь. Здесь, в семейной могиле, похоронены моя тетья, ее муж и ее ребенок. Важно, что у нас теперь есть возможность молиться за умер-

---

²⁶ Василий Ковальчук, житель соседней деревни, цит. в: Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

²⁷ Омелянчук І. Пам'ять без кордонів і національностей // Вісті Рівненщини. 14 листопада 2003. С. 1.

²⁸ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 5.

²⁹ Там же.

ших, есть где зажечь свечи. Теперь это будет проще для нас. А наши страны будут жить мирно, как соседи. И это самое важное, что мы можем сделать для наших детей»³⁰.

Таким образом, две параллельные церемонии, которые относят нас к событиям почти 70-летней давности – одна, связанная с Климом Савуром, а другая с польскими и украинскими жителями небольшого поселка – состоялись в том же регионе с разницей в год. Каждая из церемоний регулируется стратегическим забыванием, что наполняет память о межэтническом конфликте молчанием. Примечательно, что в беседе с журналистами Анджей Пшевожник вспомнил о конфликте и сказал, что памятник полякам, погибшим в Волинском конфликте, планировалось построить в последующем году в селе Лидавка недалеко от Борщивки. Такой памятник действительно был построен. С началом 2000-х начала намечаться другая тенденция – строительство памятников и обустройство памятных мест, посвященных польским жертвам Волинского конфликта в селах Волыни. Все эти памятники связаны с местами гибели поляков и в большинстве случаев они финансируются польской стороной.

Выводы

Какие механизмы и стратегии позволили умолчания в формировании памяти УПА в регионе? Селективная форма памяти стала возможной, потому что потребность в героической памяти УПА представлялась в рамках проекта возрождения собственной истории после развала СССР. Новая история рассматривалась как необходимое условие для символической победы общества, которому было отказано в написании своей собственной истории в прошлом. То, о чем было запрещено говорить в СССР, начали рассматривать как что-то позитивное, что необходимо донести обществу.

Более того, необходимость помнить ОУН и УПА представлялась как моральный долг перед павшими, которых нельзя было оплакать и помянуть раньше. Следовательно, требования помнить были сформулированы в качестве морального долга общества. Как было показано, большинство требований построить памятник Климу Савуру были сформулированы как требования восстановления исторической справедливости.

Кроме того, героическая память об ОУН и УПА представлялась как маркер национальной идентичности. Она приравнивалась к патриотизму и таким ценностям, как государственная независимость и свобода. Явные религиозные символы на всех местах, посвященных памяти Савура, определили его местонахождение

---

³⁰ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

ние в пределах священного пространства жертвенности и еще больше укрепили героический миф УПА.

В этой статье я ограничилась кратким изложением формирования памяти в одном регионе и в одном случае. Но многие тенденции, которые видны в этом региональном измерении и на этом примере, можно также проследить в других регионах и частично на национальном уровне. За двадцать пять лет независимости Украины сформировался образ ОУН и УПА как национальных героев, патриотов, жертв тоталитарных режимов. Так как тяжелые страницы прошлого не упоминались в дискуссиях о памяти и в коммеморативных церемониях, а также из-за отсутствия сильной оппозиции такому героическому нарративу в регионе, стало возможным формирование именно такой героической памяти.